

ТЕМА НОМЕРА

ФЕНОМЕН КАЗАЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.3

EDN: LRTOIC

Социовитальные институты казачьей повседневности: категориально-понятийный анализ

Ссылка для цитирования: Скорик А. П., Щербакова Л. И. Социовитальные институты казачьей повседневности: категориально-понятийный аппарат // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 3. С. 37–52. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.3; EDN: LRTOIC

For citation: Skorik A. P., Shcherbakova L. I. Socio-vital Institutions of the Cossack Everyday Life: Categorical and Conceptual Analysis. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 37–52. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.3; EDN: LRTOIC

AuthorID РИНЦ: 437141

Скорик Александр Павлович¹

¹Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

s_a_p@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 485792

Щербакова Лидия Ильинична¹

¹Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

lidia-npi@mail.ru

Аннотация. О российском казачестве написано немало интересных научных и популярных работ, и в современной России интерес к казачеству как предмету научного анализа только нарастает. Указом Президента Российской Федерации В. В. Путина № 505 от 9 августа 2020 г. утверждена «Стратегия государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы», где подчёркивается «содействие научному изучению истории российского казачества, противодействие фальсификации страниц истории России, связанных с российским казачеством». Для обеспечения научного изучения истории российского казачества важно разобраться в системе ключевых категорий и понятий, отражающих казачью повседневность. Выработка научного инструментария для достижения указанной цели требует проведения междисциплинарных исследований, в том числе обращения к исторической социологии и социологии культуры, к концептуализации социовитальных институтов

российского казачества, раскрывающих особенности казачьей повседневности. Виталистская социология позволяет со своей стороны парадигмальным образом подкрепить научную инсталляцию авторских суждений и обеспечивает развёртываемый категориально-понятийный анализ этнокультурной сферы жизнедеятельности казачьих обществ в культурвиталистском ключе. Обращается внимание на материальную сторону социоприродной эволюции казачьих обществ в исторической повседневности Российской империи XVIII – начала XX в. и сохранение с помощью коммеморативных практик социовитальных институтов российского казачества до настоящего времени. Базисным ресурсом жизнеобеспечения выступает жилище как продукт созидательной деятельности казачества и форма его территориально-пространственной локализации в рамках казачьих поселений. Культурвиталистским сюжетом предстаёт традиционная пища казаков, рассматриваемая в хронотопическом ключе и позиционирующая казачьи сообщества в качестве социальной группы с рациональным потреблением и одновременно внешней самопрезентацией. Отношения пользования исторически преобладали у казачества к такому важнейшему ресурсу жизнеобеспечения, каким является одежда, и вместе с тем здесь мы сталкиваемся с глубинным символическим интеракционизмом в самоинтерпретации казачьего костюма. Иначе говоря, в качестве примера для междисциплинарного анализа взяты три ключевые категории казачьей повседневности: жилище, пища и одежда. Их рассмотрению посвящена настоящая статья двух учёных, много лет плодотворно работающих в столице мирового и российского казачества – городе Новочеркасске.

Ключевые слова: дефиниция, вероятностные интерпретации, казаки, научная категория, повседневность, социальные смыслы

Категория повседневности сегодня прочно вошла в научную литературу, что уже не нуждается в особом пояснении и в дополнительных интерпретациях, но это не мешает нам осуществлять научный поиск прикладных значений повседневности в различных гуманитарных науках, особенно в междисциплинарном поле, каким в данном случае выступает историческая социология. Предметом анализа в настоящей статье являются научные категории казачьей повседневности, которые при всей очевидности одиночного поименования в совокупности своей составляют эпистемологическую сферу, прежде всего, материального порядка, каким представлял себе категорию повседневности в классическом варианте её автор, французский историк Фернан Бродель [1, с. 41]. Как мы полагаем, избранные нами для междисциплинарного анализа ключевые категории (характерной для исследуемой группы) казачьей повседневности: жилище, пища и одежда, могут быть интерпретированы с опорой на разработанные П. А. Сорокиным основные классические понятия социологии и, прежде всего, истолкованы в качестве элементов совокупности физических и символических проводников взаимодействия и/или материальной культуры [6, с. 131]. Советский и российский социолог Ж. Т. Тощенко правомерно подчёркивал, что «проблема категориально-понятийного аппарата – это проблема логичности, точности, последовательности и непротиворечивости знания, образующего целостность и завершённость конструкции любой науки» [7, с. 111]. «Определимся в терминах, и половина человеческих споров исчезнет», – это правомерное выражение французского философа и знатока многих других наук Рене Декарта, как нельзя более точно, относится к категории

казачьей повседневности. Кроме того, использованные в настоящей статье аналитические подходы к изучению социовитальных институтов казачьей повседневности нацелены на необходимость учитывать процессы преемственности в топохронной эволюции казачества как социальной и культурно-этнической группы и его современную модернизацию, инновационное развитие и обновление, которые имеют свою специфику в социально-культурных и социально-территориальных условиях [2, с. 44] казачьих регионов России.

Тем самым социовитальные институты в контексте настоящей статьи представляют собой цивилизационный фрейм обыденного порядка, обеспечивающий сохранение жизненных сил, социоприродную эволюцию казачьего сообщества и его этнокультурную самопрезентацию. В качестве примера социовитальных институтов мы сосредоточились на «жилище», «пище» и «одежде», которые в то же время выступают неотъемлемой составной частью (характерной для исследуемой группы) казачьей повседневности и с позиций исследователей-аналитиков могут рассматриваться как научные категории, доступные для интерпретации в рамках виталистской социологии [2, с. 39–46] и ряда других научных дисциплин и парадигм.

Проблема заключается в преобладающем внешнем, атрибутивном социальном восприятии современного казачества, в суждениях о нём по ментальным моделям поведения отдельных его представителей, по актуализированным коммеморативным практикам, иначе говоря, по вершине айсберга, когда, к примеру, появился в Москве, в районе Лефортово Юго-Восточного административного округа столицы парк Казачьей славы, там установлена монументальная скульптурная композиция, посвящённая донскому атаману М. И. Платову, и, естественно, часто собираются казаки. Однако «количество, качество и мера развитости жизненных сил и жизненного пространства» казачества определяется отнюдь не данными практиками, а именно социовитальными институтами, не сосредоточенными в парке, или на казачьем круге, но сохранившимися в старинной казачьей станице, в казачьей семье, в обычной повседневности казачьих регионов. Эти институты «определяют специфику взаимодействия в контексте развития отношений владения, пользования, распоряжения, распределения, присвоения, потребления ресурсов жизнеобеспечения» [2, с. 41]. В этом состоит суть виталистской концепции, а её эвристический потенциал заключается как раз в обращении к глубинным истокам социальных явлений, к изначальным алгоритмам социально-культурного развития населения России, в том числе возрождающегося казачества.

Категория «жилище» в казачьей повседневности

Если мы возьмём такую научную категорию казачьей повседневности, как жилище, то получим вполне определённый набор понятий: курень, турлучная хата, зимовник¹, кош и т.п. Каждое из перечисленных,

¹ Место с жилыми и хозяйственными постройками, где обеспечивалось временное (стойловое) содержание скота в осенне-зимний период; малый хутор.

равно как и неназванных, понятий этого смыслового ряда можно анализировать отдельно с помощью критериальных признаков, но общими для всех понятий категории казачьего жилища будут пять важнейших обстоятельств при концептуализации отдельных дефиниций. *Первое обстоятельство* связано с историческим временем, в рамках которого неизбежно эволюционирует данный тип жилища, или же он уходит в историческое небытие, как, например, тот же казачий кош¹. *Второе обстоятельство*, детерминирующее смысловые перспективы конкретного типа казачьего жилища, обусловлено историческим местом существования рассматриваемого казачьего жилища, ведь курень на Дону представляет собой жилой дом с подворьем, а на Кубани с куренём ассоциируют поселение и даже группу поселений со своим историческим названием, скажем, Дядьковский курень. Историческое время и место образуют важнейшую категорию казачьей повседневности «хронотоп». Под концептом «хронотоп» мы понимаем пространственно-временные характеристики, типичные для данного исторического периода, формирующие его образ в историческом сознании и создающие исторические традиции в историописании. Полагаем возможным даже говорить о повседневности топохронной эволюции казачьего жилища. *Третье обстоятельство*, сопровождающее интерпретации понятия казачьего жилища, заключается в технологиях его сооружения. Они могут иметь индивидуализированный или коллективный характер, к примеру, для возведения коша не требуется привлечения большого количества людей, ибо казак был вполне способен его соорудить на скорую руку самостоятельно, и использовалось это примитивное, очень легко возводимое жилище, как правило, летом. *Четвёртое обстоятельство*, позволяющее прояснить особенности конкретного типа казачьего жилища, связано с использованием основных элементов строительной конструкции жилого сооружения, скажем, возведение турлучной хаты невозможно представить без деревянных жердей, составляющих основу каркаса будущего жилища. *Пятое обстоятельство* в понимании жилища как категории казачьей повседневности неизменно определяется предназначением данного типа жилого сооружения. Например, зимовник уже по самому своему названию подсказывает, для чего, для каких целей его строили казаки, и какую именно хозяйственно-экономическую роль он играл в многогранной казачьей повседневности.

В критериальном отношении такой тип жилища, как, например, турлучная хата, в казачьей повседневности предстаёт отдельным понятием следующим образом. Прежде всего, турлучные хаты в качестве жилища широко использовались до середины XX в., хотя эти строения можно обнаружить в казачьей повседневности (хуторах и станицах) и в наши дни. Турлучные хаты наиболее присущи историческому региону Кубани, где они в течение довольно длительного исторического периода составляли практически подавляющее большинство среди возводимых казаками жилых построек. Безусловно, турлучные постройки можно было встретить

¹ В данном контексте кош понимается как временное жилище типа шалаша, для постройки которого могли быть использованы шкуры животных, иные подручные материалы.

также на Дону и Тереке, но преобладающими они оставались на Кубани, и в этом заключается их хронотопический тренд. Технология сооружения турлучной хаты имела ярко выраженный индивидуализированный характер для казачьей семьи, но это не исключало использование коллективного труда казачьей общины в условиях массового переселения казаков на новые территории. Незамысловатость технологии строительства турлучной хаты обуславливалась практически подручными свойствами используемых строительных материалов. В качестве основных строительных материалов применялись глина, навоз, камыш, хворост, деревянные жерди, оконные и дверные блоки из доступного дерева, порой не лучшего качества. Хозяйственно-бытовое предназначение турлучных построек имело довольно широкий спектр: жилой дом, амбар, конюшня, сарай и пр.

Итак, турлучная хата – это, как правило, двух-трёхкамерное жилое глинобитное строение, возводимое из стационарно закреплённых на деревянных столбах «сэндвич-панелей» со встроенными деревянными дверными и оконными блоками, изготовленными по месту расположения будущего дома, из глины, навоза, камыша, хвороста, деревянных жердей, иных пиломатериалов, предназначенное для постоянного проживания патриархальной казачьей семьи, получившее широкое распространение на Кубани, Дону и в Приазовье. Социальный статус хозяина турлучной хаты в казачьей повседневности подчёркивали дополнительные элементы строительной конструкции, например, новое нарядное крылечко (присенки), опиравшееся на два деревянных столба, выдавало проживание в доме новоиспечённого казачьего урядника¹, а большое количество окон в турлучной хате отличало приметным образом панский дом от жилища рядового казака. Общая нарядность казачьей турлучной хаты во многом зависела от житейских умений и практических навыков хозяйственной казачки.

Жилище формировало мир казачьей повседневности, хозяйственно-культурный уклад казачества в таких традиционных деталях, «без чего и сегодня не обходится ни один двор в казачьем хуторе или станице, и что греет душу родового казака: отцовский, а то и дедовский верстачок, старый плащ и к нему башлычок, подкова на счастье, укреплённая на видном месте, и прочие хозяйственные и личные мелочи» [4, с. 439].

Категория «пища» в казачьей повседневности

Достаточно обособлена для научного анализа такая категория казачьей повседневности, как пища, несмотря на всю кажущуюся первичную простоту обыденных представлений об этой сфере человеческой жизни по будничному алгоритму: главное, что есть еда, и чего ещё тебе, хороняка, надо?! Действительно, наличие пищи выступает возможностью реализации насущных витальных потребностей человека, тем более для казака, исторически ведущего социально активный образ жизни, участвующего в военных конфликтах и несущего военную службу, когда употребление калорийной

¹ Казачий чин урядника соответствовал статусу унтер-офицера.

пищи есть необходимое условие казачьего самосохранения. Обильный стол с разнообразной пищей в казачьем менталитете традиционно символизировал социально-материальное благополучие казачьего дома, хотя на ранних этапах истории казак запросто обменивал свою жену на два больших мешка сухарей, что считалось по тем временам исключительным богатством из-за технологии приготовления с иными лакомыми пищевыми включениями и длительности процесса получения конечного продукта в больших объёмах. Вместе с тем употребление пищи в казачьей семье, как и у представителей других этнических групп, всегда сопровождалось соблюдением строго определённого ритуала поведения за общим столом, скажем, обязательная молитва до еды, разрезание буханки хлеба только мужчиной, раздача пищи из общей посуды по тарелкам всем сидящим за обеденным столом лицам и т.д. В казачьей народной традиции пищевой рацион делился на две части: ежедневный и праздничный. Естественно, в казачьей повседневности преобладал совершенно простой набор блюд. К примеру, завтрак в пять часов утра мог состоять из чая с калачом или булкой. Типологически употребление пищи у донских казаков дифференцировалось на два основных меню: 1) в посты и по будням; 2) в мясоед, по будням. Причём летний пищевой рацион заметно отличался от зимнего варианта употребления пищи. Более того, существовало понятие «остатки от обеда», которые служили, как правило, для казаков в качестве ужина вечером в тот же день [5, с. 35–36]. Описание праздничного стола у донских казаков может составить несколько страниц текста и выступить предметом иного самостоятельного исследования. Но нельзя не сказать о характерной эстетике приёма пищи, скажем, когда казаки поедали свою добычу из числа уникальных даров природы, чего только стоит одна дымящаяся, наваристая, свежая донская уха из казана на ночном костре у тихой водной глади реки.

Новый смысл в категориально-понятийном анализе пищи добавляется при рассмотрении праздничного приёма казаками тех или иных питательных яств. Во-первых, многое зависит от характера и повода для казачьих посиделок (например, возвращение из похода, причём с победой, или наоборот, если произошёл трагический случай), и, во-вторых, непременно звучат казачьи тосты, а знатокам и сегодня известен не один десяток этих сгустков народной мудрости. В тостах мы неизменно находим новую, даже современную, и исторически традиционную социальность. Скажем, вот старинный тост: «За нас казаков на Тихом Дону, и за тебя, царь, в Кременной Москве!». В давние времена так подчёркивалась автономия Дона, а в более поздние исторические периоды можно говорить об уповании казаков на верную службу царскому трону. Здесь важен контекст произнесения тоста: где, когда и при каких обстоятельствах?! А обращение к молодожёнам с подчёркиванием их особого статуса: «Князь» и «Княгиня»?! В этом случае будет прочитываться свой культурно-антропологический смысл. Всегда можно найти в тостах позитивный и негативный подтексты, если отвечать на поставленные выше три ключевых вопроса, причём, с нашей точки зрения, речь идёт об обращении казака к тому сообществу, в котором произносящий находится, и тогда адресат и/или адресаты тоста высказывают своё

одобрение традиционным казачьим приветствием «Любо!». В итоге непременно рождается новая социальность, несущая в себе очевидные витальные мотивы. С таких позиций каждый тост можно рассматривать как отдельное понятие со своими смыслами в рамках происшедшего события и отношения к нему самих казаков.

Итак, пища как категория казачьей повседневности – это способ удовлетворения насущных витальных потребностей для казачьей общности; символ социально-материального благополучия казачьего дома; традиционный казачий ритуал поведения за общим столом; дифференцированное меню, в зависимости от времени года, обстоятельств приёма пищи и ежедневной разблюдовки в течение суток; эстетическое наслаждение от приготовления и употребления отдельных казачьих блюд. Причём каждое из этих казачьих блюд может быть описано как совершенно отдельное понятие, и здесь открывается своя смысловая перспектива. Если следовать установкам индуистской философии, то в разблюдовке можно выделить «семь тонких тел». Мы же в смысловых интерпретациях казачьей кухни обнаружили «девять тонких тел» культурно-антропологического порядка.

Во-первых, естественно, требуется понять, из чего же готовится понравившееся казачье блюдо, какие именно ингредиенты казачьими поварами (а у казаков зачастую здесь царит гендерное равенство!) для этого используются. *Во-вторых*, какие предварительные действия при этом совершаются специалистом по приготовлению пищи, и как протекает сам примечательный процесс приготовления блюда казачьей кухни. *В-третьих*, каждое казачье блюдо имеет свой неповторимый вкус, а чтобы понять, каковы питательные ощущения от употребления данного казачьего блюда, необходимо точно описать для возможного инокультурного потребителя его вкусовые качества. *В-четвёртых*, каждое блюдо в казачьей кухне имеет своё изначальное питательное предназначение, включая утилитарное чувство утоления голода и жажды и, конечно же, обращая внимание на присущие казакам пищевые пристрастия и исключительное казачье сибаритство в отношении еды. *В-пятых*, большое значение у казаков имеет время и место употребления конкретного казачьего блюда, поскольку, помимо сложившегося столетиями у казаков четырёхчастного суточного меню, бывают разные случаи, нуждающиеся в дополнительном предметном описании. Скажем, возьмём «щедрый вечер», отмечаемый в канун празднования Старого (юлианского) Нового года и сопровождающийся поеданием вареников с разнообразной начинкой, когда каждому варианту начинки изначально присваивается определённое культурно-антропологическое значение. *В-шестых*, в казачьей кухне каждому блюду присуще своё конкретное место среди других блюд, начиная с отнесения к первым, вторым и третьим блюдам и заканчивая соответствием пищевого изыска по социальному статусу конкретному лицу, скажем, казачьему кунаку¹, в том числе из военных противников, что получило широкое распространение, в частности, у терских казаков. *В-седьмых*, многие блюда в казачьей кухне имеют свои характерные культурно-этнические названия, да такие, что не сразу пой-

¹ Приятель казака в социальном статусе родственника.

мёшь, о чём, собственно говоря, идёт речь (скажем, шурубарки у донских казаков), поэтому они нуждаются в сопоставительном объяснении для других людей, для представителей иной культуры (так в последнем случае это будут пельмени в похлёбке). *В-восьмых*, историческое понимание казачьей кухни неизбежно требует выяснения того обстоятельства, насколько широкое распространение данное блюдо получило за пределами казачьего региона, и уточнение того факта, сохранилось ли оно до настоящего времени, изменилось ли его рецептурное состояние?! *В-девятых*, в казачьих традициях употребления пищи есть свои характерные особенности, подчёркивающие социальные, культурно-антропологические смыслы. К примеру, проезжает молодой казак на коне-вьуне по родной станице, издали завидел девушку-красавицу у куреня, подъезжает к ней с достоинством воина и просит вынести попить молока, чтобы де утолить утомившую его жажду, и коль понравился молодой казачке статный казак-молодец, то вынесет она ему вовсе не кувшин холодного свежего молока, а непременно угостит сладким мёдом.

Категория «одежда» в казачьей повседневности

Категория казачьей повседневности «одежда» с точки зрения значимости для самих казаков долгое время носила исключительно второстепенное значение, утилитарное по своей функциональной роли. Казаки не выказывали особой заботы об одежде, поэтому её чёткое разграничение на обыденную и праздничную происходит лишь в XVIII в. с однозначным утверждением казачьей старшины (наиболее знатной, богатой и чиновной части казачества), стремившейся подчеркнуть с помощью отдельных элементов даже повседневной одежды свой более высокий социальный статус по сравнению с той же сиромой (казачьей беднотой). Не случайно российский царь Пётр I в качестве герба Войска Донского утвердил изображение полуголового усатого казака в шароварах, сидящего верхом на бочке с вином. Шаровары у него подпоясаны кушаком, к которому крепились (точнее, к поясному ремешку) пашка (сабля) в кожаных ножнах. В руках казак держал два совершенно разнородных предмета: в правой руке он сжимал ружьё (ручницу), а в левой руке у него была зафиксирована дудка-жалейка (духовой народный общеславянский музыкальный инструмент; красноречивый символ житейской праздности¹). На голове у полуголового пьяного казака красовался высокий головной меховой убор, похожий то ли на казачью папаху, то ли на восточный тюрбан. Казак уже пропил верхнюю одежду, но несколько не жалел об этом, поскольку в ближайшем боевом столкновении с противником он рассчитывал с помощью своего простого вооружения и исключительной личной отваги приобрести себе новую одежду, причём в результате деления общей казачьей добычи после похода, когда

¹ Известный духовный лидер старообрядцев протопоп Аввакум, отличавшийся крайней строгостью и аскетизмом, неоднократно проклинал жалейки. Тут явно имелись в виду не дудочки сами по себе, но символизируемые ими пороки – лень, безделье, попрошайничество, скоморошество.

казачья ватага будет «дуван дуванить»¹. По легенде с подобным персонажем царь Пётр I лично столкнулся на войсковом казачьем майдане. Это символическое изображение полуголого казака в качестве герба Войска Донского исторически просуществовало целое столетие вплоть до 1805 г., поскольку его утвердил своим указом царь Пётр I, побывавший в Черкасске, столице донского казачества, вскоре после поражения Булавинского восстания 1707–1708 гг.

Вместе с тем было бы неверно истолковывать типичное отношение большинства казаков к одежде исключительно как к затрапезному личному делу, или особо не волнующему внешнему виду. Возьмём, к примеру, известное, многократно повторяемое, часто встречающееся и сегодня казачье выражение «поход за зипунами». Вроде бы, понятно, что казаки отправлялись в чужие страны за богатой добычей, называя это военное предприятие «походом за зипунами», взять тот же Каспийский поход Степана Разина 1667–1669 гг., что отражено в известной русской народной песне «Из-за острова на стрежень...», правда, всё же имеющей автора в лице Д. Н. Садовникова. Но нас интересует в этом случае вовсе не Каспийский поход, не данный интереснейший исторический сюжет и не примечательная стилистика текста народной песни, а зипун как вид казачьей одежды и его значимость.

Так вот, казачий зипун, *во-первых*, это весьма распространённый вид казачьей верхней одежды², широко использовавшийся казаками в повседневной жизни и в многочисленных военных походах³; *во-вторых*, это кафтан, или, точнее, казачий полукафтан, вполне определённого покроя: не предполагающий наличие у него воротника, сшитый исключительно из грубого плотного сукна, нередко имеющий очень яркую расцветку, отделанный по соединяющим раскроенные части ткани швам с помощью контрастных шнуров, по форме с полуприлегающим мужским силуэтом, с узкими, длиной на две трети руки рукавами и расширенным книзу конусом подола общей длиной только до колена; *в-третьих*, это одевавшийся поверх нательной рубахи кафтан широкого демисезонного предназначения в казачьей повседневности; *в-четвёртых*, зипун мог стать праздничной, выходной одеждой казака, если его изготавливали из дорогой яркой ткани, и тогда казаки пользовались типичным выражением «лазоревого настрафильного зипуна»; *в-пятых*, популярность зипуна у казаков обеспечивалась удобством его ношения в быту, а главное, это одеяние несколько не сковывало свободу движений казака в реальном бою, и порой усиленная прочность зипуна спасала казаку жизнь в жёстком противостоянии с многочисленными противниками. Тем самым зипун в культурно-антропологиче-

¹ Т. е. делить добычу.

² Примечательно, что зипун также является одним из символов традиционной китайской культуры.

³ Зипун – ныне новое поколение уличной одежды, которая сегодня объединяет в себе стиль и функциональность. Этот модный и удобный наряд становится популярным выбором для активных и модных людей. URL: <https://foto-skazka.ru/znacheniya/zipunom-cto-eto-znacit> (дата обращения: 26.11.2022).

ческом смысле составлял важнейший элемент общего костюма донских казаков, имел достаточно широкую распространённость в казачьей среде, характеризовался витальным предназначением для казака и формировал социальный образ, проникавший во все сферы казачьей повседневности, а обладатель «знатного» (высококачественного, богато украшенного) зипуна неизменно повышал свой социальный статус в казачьем сообществе. Кроме того, зипун, как мы аргументированно доказали выше, является самостоятельным понятием при анализе категории «одежда» в казачьей повседневности, просуществовавшим практически до настоящего времени.

Поскольку казачество как социальная и культурно-этническая группа инкорпорировало в свои ряды представителей разных (европейских и восточных) народов, поэтому в одежде казаков можно найти элементы, соответствующие тем или иным этническим сообществам. К примеру, восточные мотивы наглядно просматриваются в казачьем женском костюме, где мы видим очень яркие краски и многочисленные украшения, или взять те же простейшие казачьи зипуны, которые дополнялись элегантно золотым шитьём, блестящими золотыми пуговицами и украшались серебряными застёжками. Даже в праздничной одежде казаков непременно фигурировало личное оружие, обязательно оправленное с азиатской неповторимой роскошью хорошим серебром и реальным золотом довольно высокой пробы. При возвращении из многочисленных походов «за зипунами» казаками совершался обряд «дуван дуванить», когда казаки поровну, но с учётом настоящих военных заслуг делили в том числе захваченную одежду, а затем публично в ней щеголяли, демонстрируя на своих телах чужие роскошь и богатство в примитивно устроенных казачьих городках, надевая собольи шапки, бархатные халаты, рубашки с золотыми галунами, шёлковые кушаки, сафьяновые сапоги на высоких каблуках и с высоко поднятым вверх носком. Примечательно, что царь Пётр I при широком внедрении в российский обиход европейского костюма (немецкого платья) и установлении строгого запрета на ношение бороды для казаков сделал исключение. Поэтому в казачьей среде нередко встречались черкесский костюм, калмыцкие элементы одежды, старинное русское платье и т. д. Причём, путешественники, бывая, например, в кубанских станицах, порой не могли внешне отличить казака от горца.

В Новочеркасском музее истории донского казачества хранятся многочисленные комплекты женской одежды, красноречиво свидетельствующие о тех краях, откуда женщины попали на Дон: из великорусских поселений, малороссийских местечек, горских аулов, и т. д. Наиболее известно праздничное женское платье кубилёк (расшитое ручной вышивкой платье в пол с длинными рукавами). Кстати, кубилёк увёз из Новочеркасска великий русский поэт А. С. Пушкин для своей супруги Натальи Николаевны, или иной любимой женщины (о чём нам неизвестно). По женскому казачьему костюму знатоки могут сегодня прочитать (как казаки в былые времена!) характерную индивидуальную женскую историю и определить социальный статус казачки, например, из богатой или же из бедной семьи происходит девушка; невеста она или только готовится

к замужеству; собирается женщина на праздник, на работу или готовится к отходу ко сну; замужняя это казачка, жалмерка (у неё муж находится где-то на военной службе) или вдова. Наиболее красочным и наиболее «говорящим» в культурно-антропологическом контексте является костюм казачки-некрасовки¹. В этом костюме имелось множество мелких разноцветных деталей со своим значением, позволяющим, например, определить возраст женщины и её семейное положение. Так, у замужней некрасовки платок красно-жёлтой расцветки («уруминский») оборачивался одним сложенным краем вокруг головы и закрывал вертикальный трёхсоставной головной убор. Платок отделялся по одному углу кисточками из цветных нитей, кружевом и «пушочками», также изготовленными из цветных нитей. Этот угол при повязывании платка на голову всегда оказывался на спине некрасовки.

Естественно, казачий костюм со временем заметно эволюционировал, а в 1880–1890-е гг. стал утрачивать своё значение в казачьих станицах, что обуславливалось неизбежными процессами исторической трансформации казачьих сообществ, усилением тенденций расказачивания. «Расказачивание – это не только применение репрессивных мер, о которых твердят многочисленные публицисты, да и часть казаков, кругозор которых только этим и ограничивается. Расказачивание, не менее значимое по последствиям, проявлялось в многократных попытках государства провести окрестьянивание казачества, в том числе путём показачивания населения казённых поселений, проще говоря, превращения государственных крестьян в казаки» [4, с. 439]. Расказачивание XIX в. оказало существенное воздействие и на социокультурную сферу, вписываясь в общий модернизационный поток в Российской империи. Интенсификация индустриализации в 1890-е гг. всё сильнее влияла на казачьи станицы, в которых всё чаще начали встречаться «пиджачники», носившие одежду фабричного покроя, всё больше становилось казаков, крайне неряшливо относившихся к подготовке к военной службе и не заботившихся о своём внешнем виде и носивших грязные одежды [3, с. 160].

С конца XIX в. у казаков Дона появляется военная форма, вошедшая в историю как характерный казачий мужской костюм, состоявший из ряда типичных элементов. Длинный приталенный казачий мундир с разрезом сзади для посадки на лошадь застёгивался левой полрой наверх с помощью крючков. Обшлага рукавов мундира и стоячий воротник отделялись красной окантовкой. Тёмно-синие шаровары с неизменными красными лампасами по бокам заправлялись в сапоги на высоком для мужчины каблуке. Летом мундир у казаков заменялся гимнастёркой тёмно-зелёного цвета со стоячим воротником и застёжкой на пуговицах. Длинная казачья шинель защитного цвета из грубого сукна застёгивалась по образцу мун-

¹ Некрасовцы – субэтническая группа потомков сторонников Игната Некрасова, уведшего отряд донских казаков-старообрядцев на Кубань (не входившую тогда в состав России) ещё в 1708 г. Оттуда под давлением России некрасовцы переселялись отдельными общинами, и основная их часть оказалась в Османской империи. Возвращались они в Россию по разным причинам отдельными волнами реэмиграции, начиная с 1811 г. и до 1963 г. В настоящее время потомки их проживают компактными группами в Краснодарском и Ставропольском краях, в Дагестане.

дира. На воротник казачьей шинели пришивались красные петлицы с форменной серебряной пуговицей. В качестве повседневного головного убора казаки носили папаху и фуражку. Из-под скошенной на правую сторону форменной фуражки слева непременно выглядывал вьющийся казачий чуб. Зимой казаки одевали серые по цвету папахи и защитного цвета башлыки для защиты от непогоды. Эта военная форма носилась казаками постоянно, как при несении военной службы, так и в быту, хотя в домашних условиях она дополнялась и/или изменялась за счёт иных элементов одежды, например, вместо сапог одевали на ноги поршни (кожаная обувь в виде лаптей), чирики (кожаные тапочки с твёрдой подошвой) и валенки, а вместо шинели надевали полушубки, овчинные шубы. По-прежнему сохранялся в казачьей повседневности и зипун.

В целом же одежда как категория казачьей повседневности представляет собой совокупность носимых казаками изделий, выполняющих витально-защитные функции в социальной реальности, состоящих из набора определённых элементов и аксессуаров, долгое время изготавливаемых в рамках натурального казачьего хозяйства. Традиционный казачий костюм и отдельные носимые казаками вещи и обувь создают неповторимый казачий образ, закрепившийся в социальной памяти и в художественной литературе. Целый ряд элементов одежды казаки заимствовали у контактных с ними этносов, к примеру ту же папаху. Казачий костюм через отдельные элементы одежды и через общий их набор подчёркивал социальный статус казака, его индивидуальное место в казачьем сообществе и/или военном коллективе.

Заключение

С конца 1980-х гг. начинают возрождаться многие прерванные и отчасти забытые казачьи традиции, и культура казачьих регионов России заметно пополняется всё новыми и новыми феноменами. В этом процессе сочетаются коммеморативные практики и историческая реконструкция. В качестве примера исторической реконструкции рассмотренных в настоящей статье социовитальных институтов казачьей повседневности можно назвать функционирование государственного автономного учреждения культуры Краснодарского края «Выставочный комплекс «Атамань», расположенного в станице Тамань Темрюкского района Краснодарского края. Есть и примеры живой традиции, когда ныне ежегодно 14 октября в донских станицах отмечается войсковой праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Тогда практически по всей Ростовской области в станицах гостям можно попробовать блюда казачьей кухни, и приезжие люди свободно могут увидеть традиционный казачий костюм. В будние дни ношение характерного костюма встречается гораздо реже, но типичные блюда до сих пор готовят в казачьих семьях и особого значения этому не придают, как говорится, кушайте на здоровье. Казачьи курени (жилища) сохраняются практически во всех старинных казачьих станицах, где и среди совре-

менных новостроек можно легко обнаружить характерные казачьи дома, например, в известной донской станице Старочеркасской, бывшей столице Войска Донского, или в станице Мелиховской, расположившейся в прекрасной излучине Дона, или в станице Вёшенской, прославившейся своим государственным музеем-заповедником М. А. Шолохова, с центральной двухэтажной писательской усадьбой, где жил и творил лауреат Нобелевской премии по литературе.

С другой стороны, сегодня уже никого не удивляют муниципальные бюджетные дошкольные образовательные учреждения (детские сады), муниципальные бюджетные образовательные учреждения общего образования (средние школы), организации дополнительного образования казачьей направленности, официально имеющие статус «казачье». Однако одно дело осваивать новую сферу жизнедеятельности, а совершенно другое – понять внутренние механизмы казачьей повседневности, глубинные смыслы казачьей культуры и социальности. Это помогает сделать осмысление совокупности дефиниций, группирующихся в рамках ключевых категорий казачьей повседневности, в том числе таких базисных категорий, как «жилище», «пища», «одежда», вполне доступным и понятным для всех интересующихся казачеством. И, как говорится, далее везде...

* * *

Безусловно, не все социовитальные институты казачьей повседневности в рамках категориально-понятийного анализа нами рассмотрены, но, скорее, с такими методологическими установками могут быть достигнуты цель и задачи отдельной монографии. Главное, к чему мы стремились, это раскрытие авторских подходов к пониманию базисных сюжетов эпистемологической сферы, прежде всего, материального порядка, каким представлял себе повседневность в классическом варианте её понимания первооткрыватель данной научной категории Фернан Бродель. В этой связи мы предложили научному сообществу наше понимание научных категорий казачьей повседневности, к разговору и дискуссии о которых можно ещё не раз вернуться.

Для научного дискурса социологии авторское обращение к анализу научных категорий казачьей повседневности демонстрирует не только глубинные смыслы казачьей культуры и социальности, но и отчётливо показывает творческие исследовательские перспективы в интерпретации коммеморативных практик, которые не сводятся только к заботе о сохранности памятников истории и культуры, памяти казачьих сообществ о значимых событиях и/или известных людях прошлого, когда сегодня высказывание суждений о казачестве неизбежно приводит к фиксации внимания на рассказывании. В современном российском обществе, в общественном сознании неизменно возникает сонорно-ассоциативный ряд: казачество – рассказывание – трагедия. Но проблема заключается в том, что рассказывание есть глобальный социальный миф, ибо глубинные пласты каза-

чьей культуры, рассмотренные нами социовитальные институты казачьей повседневности («жилище», «пища» и «одежда») никуда не делись, они слишком уж материальны, и по большому счёту фактом своего существования указывают на то, что расказачивания не произошло. Иначе говоря, «казаки никуда не делись: они выжили, преодолели тяжелейшие испытания в своей исторической судьбе, и сегодня в них очень нуждается российское государство» [4, с. 440]. Да, действительно, были социально-политические репрессии в отношении казачества, проводились неоднократно жёсткие антиказачьи акции, и этот событийный исторический ряд можно продолжать бесконечно. Однако, когда некоторые политики, не понимая сути вопроса, заявляют о том, что казачество «было практически ликвидировано», то, как говорится, баланс не сходится. Почему? Ответ на вопрос как раз и содержится в настоящей статье.

Библиографический список

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. В 3-х т. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. 622 с.

2. Григорьев С. И., Даровских О. В., Гришина А. С. Культур-витализм и виталистская социология – концептуальная основа анализа современной национально-культурной, производственно-экономической и социально-территориальной дифференциации населения регионов России // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 1. С. 39–46. EDN: WCOBFF.

3. Картины былого Тихого Дона. М.: Граница, 1992. Т. 2. 256 с.

4. Скорик А. П. Расказачивание: категориально-понятийный и персонифицированный исторический дискурс // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9(3). С. 437–447. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.9; EDN: BXITRA.

5. Скорик А. П., Озеров А. А. Этносоциальный адрес донцов. Научно-полемический дискурс. Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ, 2005. 232 с. EDN: QOESOD.

6. Сорокин П. А. Система социологии. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991. 187 с.

7. Тощенко Ж. Т. Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 399 с. EDN: XFBQUJ.

Получено редакцией: 23.04.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Скорик Александр Павлович, доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, директор НИИ истории казачества и развития казачьих регионов, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова

Щербакова Лидия Ильинична, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова

DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.3

Socio-Vital Institutions of the Cossack Everyday Life: Categorical and Conceptual Analysis

Alexander P. Skorik

Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

E-mail: s_a_p@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1283-8137

Lydia I. Shcherbakova

Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

E-mail: lidia-npi@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5374-6194

For citation: Skorik A. P., Shcherbakova L. I. Socio-vital Institutions of the Cossack Everyday Life: Categorical and Conceptual Analysis. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 37–52. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.3; EDN: LRTOIC

Abstract. Numerous scientific and popular works have been written about the Russian Cossacks, and in modern Russia, interest in Cossacks as a subject of scientific analysis is growing. Presidential Decree No. 505 of August 9, 2020, approved the “Strategy of State Policy of the Russian Federation in relation to the Russian Cossacks for 2021–2030”, that emphasises “promoting the scientific study of the history of the Russian Cossacks, countering the falsification of pages of Russian history related to the Russian Cossacks”. To ensure the scientific study of the history of the Russian Cossacks, it is important to understand the system of key categories and concepts that reflect Cossack everyday life. The development of a scientific toolkit to achieve this goal requires interdisciplinary research, including turning to historical sociology and sociology of culture, conceptualising the socio-vital institutions of the Russian Cossacks, revealing the features of Cossack everyday life.

Vitalist sociology, in turn, paradigmatically supports the author’s scientific installation and provides an expanded categorical and conceptual analysis of the ethnocultural sphere of the life activities of Cossack communities in a cultural vitalist key. Attention is drawn to the material side of the socio-personal evolution of Cossack communities in the historical everyday life of the Russian Empire from the 18th to the beginning of the 20th century and the preservation, through commemorative practices, of the socio-vital institutions of the Russian Cossacks to the present day.

The basic resource for life support is housing as a product of the creative activity of the Cossacks and a form of their territorial-spatial localisation within Cossack settlements. The cultural vitalist narrative presents traditional Cossack food, considered in a chronotopic key, positioning Cossack communities as a social group with rational consumption and at the same time external self-presentation.

Historically, Cossacks have had predominant relationships with such an important resource for life support as clothing, and here we encounter profound symbolic interactionism in the self-interpretation of the Cossack costume. In other words, three key categories of Cossack everyday life are taken as an example for interdisciplinary analysis: housing, food, and clothing. This article is dedicated to their study by two scientists who have been working fruitfully in the capital of the world and Russian Cossacks, the city of Novocherkassk.

Keywords: definition, probabilistic interpretations, Cossacks, scientific category, everyday life, social meanings

References

1. Braudel F. Material’naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm XV–XVIII vv. V 3-kh t. [Material civilization, economy and capitalism of the XV–XVIII centuries. In 3 vol.]. T. 1: Struktury povsednevnosti: vozmozhnoye i nevoz-mozhnoye [Vol. 1: Structures of everyday life: the possible and the impossible]. Moscow, Progress, 1986: 622 (in Russ.).

2. Grigoriev S. I., Darovskikh O. V., Grishina A. S. Cultural vitalism and vitalist sociology – a conceptual basis for the analysis of modern national-cultural, production-economic and socio-territorial differentiation of the population of Russian regions. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*. 2016: 1: 39–46 (in Russ.). EDN: WCOBFF.
3. Kartiny bylogo Tikhogo Dona [Pictures of the former Quiet Don]. Moscow, Granitsa, 1992: 2: 256 (in Russ.).
4. Skorik A. P. Decossackization [Raskazachivaniye]: categorical-conceptual and personified historical discourse. *Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya*. 2022: 9 (3): 437–447 (in Russ.). DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.9; EDN: BXITRA.
5. Skorik A. P., Ozerov A. A. Etnosotsial'nyy adres dontsov. Nauchno-polemicheskyy diskurs [Ethnosocial address of the Don people. Scientific and polemical discourse]. Rostov-on-Don, SKNTs VSH, 2005: 232 (in Russ.).
6. Sorokin P. A. Sistema sotsiologii [The system of sociology]. Syktyvkar, Komi kn. izd-vo, 1991: 187 (in Russ.).
7. Toshchenko Zh. T. Sociology of life. Moscow, UNITI-DANA, 2016: 399 (in Russ.).

The article was submitted on: April 23, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander P. Skorik, Doctor of Philosophical Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Social and Human Sciences, Director of the Research Institute of the History of the Cossacks and the Development of Cossack Regions, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI)

Lidia I. Shcherbakova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI)